

ОСОБЕННОСТИ ВЗГЛЯДА ФЕОДОРА МОПСУЕСТИЙСКОГО НА ПРОРОЧЕСКОЕ ОТКРОВЕНИЕ

Протоиерей Борис Тимофеев

старший преподаватель кафедры библеистики
Московской духовной академии
141300, Московская область, Сергиев Посад,
Троице-Сергиева Лавра, Академия
bortim@mail.ru

Для цитирования: *Тимофеев Б., прот.* Особенности взгляда Феодора Мопсуестийского на пророческое откровение // Богословский вестник. 2022. № 4 (47). С. 69–78. DOI: 10.31802/GB.2023.47.4.005

Аннотация

УДК 27-277.2

Одна из основ герменевтического метода, с помощью которого раскрывается пророческий текст, — концепция пророческого откровения. От взглядов экзегета на этот вопрос, как правило, зависит набор методов, а главное, логика и стратегия разбора провиденциального сообщения. Представитель антиохийской экзегетической традиции Феодор Мопсуестийский, известный критическим взглядом на мессианское толкование ветхозаветных пророчеств, также не является исключением. Понимание его позиции касательно особенности пророческого откровения открывает возможность для более полного понимания герменевтической системы этого древнего автора и других подходов к интерпретации Священного Писания.

Ключевые слова: пророческое вдохновение, герменевтика, экзегетика, Антиохийская школа, Феодор Мопсуестийский, мессианский смысл, границы пророческого откровения.

Features of the View of Theodore of Mopsuestia on Prophetic Revelation

Archpriest Boris Timofeev

Senior Lecturer at the Department of Biblical Studies

at the Moscow Theological Academy

Academy, Holy Trinity-Sergius Lavra, Sergiev Posad, Moscow region, 141300, Russia

bortim@mail.ru

For citation: Timofeev, Boris, archpriest. "Features of the View of Theodore of Mopsuestia on Prophetic Revelation". *Theological Herald*, no. 4 (47), 2022, pp. 69–78 (in Russian). DOI: 10.31802/GB.2023.47.4.005

Abstract. One of the fundamental foundations of the hermeneutic method of revealing the prophetic text is the concept of prophetic revelation. As a rule, the set of methods, and most importantly, the logic and strategy of parsing the providential message, depend on the views of the exegete on this issue. The well-known representative of the Antiochian exegetical tradition, Theodore of Mopsuestia, known for his critical view of the messianic interpretation of Old Testament prophecies, is also no exception. Understanding his views on the features of prophetic revelation opens up the possibility for a more complete understanding of the hermeneutic system of this ancient author and other approaches to the interpretation of Holy Scripture.

Keywords: prophetic inspiration, hermeneutics, exegesis, Antiochian theological school, Theodore of Mopsuestia, messianic meaning, limits of prophetic revelation.

Взгляд Феодора Мопсуестийского на пророческое откровение существенно отличается от традиционных церковных представлений. Особенно ярко это отличие видно в мессианском толковании ветхозаветных пророчеств. Феодор известен критическим взглядом на традиционное мессианское толкование Ветхого Завета. Толкователь отвергает прямой мессианский смысл большей части ветхозаветных пророчеств, несмотря на свидетельство Нового Завета и устоявшейся к его времени христианской традиции. Корень такого противоречия кроется в специфической концепции пророческого откровения, которая влияет на всю герменевтическую систему этого древнего автора. Таким образом, чтобы правильно понять особенности герменевтики Феодора и видеть её влияние на произведения некоторых других толкователей, а также видеть реакцию IV Вселенского Собора на экзегезу нашего автора, важно иметь представление о том, как он определяет особенности пророческого откровения.

1. Мистическая сторона пророческого откровения

Фундаментом пророческого откровения, с точки зрения Феодора Мопсуестийского, является мистический экстатический опыт общения пророков с Богом.

«Все они (апостолы и пророки) получали таинственное знание именно в состоянии экстаза, как это и должно быть, поскольку их умы так или иначе выходили из своего обычного состояния и таким образом могли пребывать в одном только состоянии созерцания видений»¹.

В этом отношении нет никакой разницы между божественным вдохновением пророков и апостолов. Бог действием своей благодати преображает ум своих служителей и возводит его на высоту духовного созерцания за пределы материального мира. Это необходимо, чтобы пророк или апостол смогли должным образом принять, понять и передать божественное откровение. В качестве яркого примера экзегет приводит видения апостолов Петра и Павла (см.: Деян. 10, 10–15; 2 Кор. 12, 1–4). Господь изымает их ум из реальности ограниченного земного мира (ἀλοσπίασα διάνοιαν), приводит в возвышенное состояние экстаза (ἔκστασις), изменяет (μεταστάσει) состояние их природы

1 Theodorus Mopsuestenus. Commentarius in Nahumum 1, 1 // Biblica et patristica. 1. P. 239:2–6.

и только после этого открывает им божественное учение или знание (διδασκαλίαν, γνῶσιν)².

«Действие Святого Духа как бы касалось ума пророка и передавало ему необходимое знание»³.

Эта концепция имеет для Феодора большое значение. При получении откровения связь пророка непосредственно с Богом является гарантией того, что служитель Божий точно передает не своё, а божественное слово, которое должно обладать полнотой авторитета⁴. Таким образом, именно Бог определяет, что́ должен сказать или совершить пророк для передачи необходимой информации.

«Дух, словно некий превосходный писец, наполняя сердце псалмопевца откровением мыслей, как чернилами, даёт возможность языку говорить. <...> Так псалмопевец желает сказать, что язык выражает не свои мысли, но откровение Духа, почему и достоин доверия разъясняющий это нам царственный толкователь»⁵.

Именно по этой причине, отмечает экзегет, пророки начинают свою речь выражениями: *слово Господне* (ὁ λόγος τοῦ Κυρίου), *видение* (ὄρασις), *пророчество* (λῆμμα).

Вместе с тем важно отметить, что пророки, как считает Феодор, принимали участие в таинственном диалоге с Богом при полном личном самосознании, что является важным условием усвоения и понимания ими божественного откровения. Так, пророк Исаия вопрошает:

«Господи, кто поверил, слышанному от нас? (Ис. 53, 1) — то есть знание, которое мы получили свыше. И блаженный Павел весьма справедливо приводит эти слова: “Вера от слышания, а слышание от слова Божия” (Рим. 10, 17). <...> Так пророк, получив учение посредством [видения и беседы] (см. Зах. 1, 8–13), с уверенностью имел веру в будущее и другим мог принести пользу»⁶.

2 Theodorus Mopsuestenus. Commentarius in Nahumum. P. 239:10–18.

3 Ibid. P. 240:8–10.

4 Ζαχαρόπουλος Δ. Θεόδωρος ὁ Μοψουεστίτιος ὡς ἑρμηνευτὴς τῶν Γραφῶν. Ἀθήναι, 1999. Σ. 47.

5 Theodorus Mopsuestenus. Commentarius in Psalmos XLIV, 2c // Studi e Testi. 93. P. 282:16–23. Ср.: Diodorus Tarsensis. Commentarii in Psalmos XLIV, 25–41 // CCSG. 6. P. 269.

6 Theodorus Mopsuestenus. Commentarius in Abdiam 1, 1 // Biblica et patristica. 1. P. 160:10–15; Theodorus Mopsuestenus. Commentarius in Zachariam 1, 8–13 // Biblica et patristica. 1. P. 330:24–26.

Божественное откровение всегда видит целью наставление людей для их пользы и спасения. По этой причине его содержание всегда является доступным как для пророка-посредника, так и для конечного адресата — израильского народа⁷. Это утверждение, безусловно, верно для всего спектра исторических, догматических и духовно-нравственных тем ветхозаветного периода. Однако мессианское откровение имеет, как считает Феодор, свои ограничения для пророческого откровения в Ветхом Завете.

2. Границы мессианского откровения в Ветхом Завете

Особое отношение сложилось у Феодора Мопсуестийского к пророку Давиду (вероятно, под влиянием объёма и тематического многообразия Псалтири). Экзегет, который считает именно пророка Давида автором всех псалмов, утверждает, что данный библейский автор заранее предсказал все события еврейской истории вплоть до пришествия в мир Христа.

«Началом пророков, как я говорил вначале, был блаженный Давид, который в древности, в весьма глубокой древности, задолго до самих событий говорил обо всём, что должно было случиться с народом в разное время. В более поздние времена, незадолго до исполнения событий, другие пророки говорили о том, что много лет назад предрёк Давид, дабы напомнить о предсказаниях и вместе с тем показать их истинность»⁸.

В данном случае толкователь ограничивает содержание пророческих книг временными рамками служения. Таким образом, после Давида миссия отдельного богодухновенного автора сводилась к тому, чтобы напомнить современникам и ближайшим потомкам о том, что заранее уже было предсказано в Псалтири. Особенно ярко это видно в комментарии Феодора на малых пророков, где тематическое наполнение каждой книги определяется на основании исторического контекста и современных пророку событий⁹. Среди исторических тем, перечисляемых

7 Cp.: Hill R. C. Theodore of Mopsuestia, interpreter of the prophets // *Sacris Erudiri*. 2001. Vol. 40. P. 119.

8 *Theodorus Mopsuestenus*. Commentarius in Ioelem // *Biblica et patristica*. 1. P. 79:12–20.

9 *Theodorus Mopsuestenus*. Commentarius in XII Prophetas // *Biblica et patristica*. 1. P. 1, 79, 105, 157, 169, 191, 235, 259, 281, 303, 313, 401. Cp.: *Захарόπουλος Δ.* Θεόδωρος ὁ Μοψουεστίας ὡς ἑρμηνευτὴς τῶν Γραφῶν. Σ. 46.

Феодором, совершенно отсутствует Христос и Его время. Последние события, о которых упоминает епископ Мопсуестийский в предисловиях к книгам малых пророков, — войны и победы Маккавеев. Это обстоятельство послужило для некоторых исследователей поводом очертить границы пророческого прозрения в Ветхом Завете эпохой Маккавеев¹⁰. Эта распространённая неточность нуждается в корректировке. Речь в комментариях Феодора идёт не о полном отсутствии мессианского сообщения в пророческих текстах, а о способе его передачи и степени его усвоения ветхозаветным человеком¹¹. В толковании на слова апостола Павла о времени Христа, которое Бог *прежде предвозвестил через своих пророков* (Рим. 1, 2), экзегет утверждает, что пророки сообщают о Сыне Божиим и Его спасительном подвиге¹². Также и в предисловии к толкованию на *Книгу пророка Ионы* епископ Феодор пишет:

«Чтобы это стало очевидным и не казалось, будто что-то новое решено и одобрено относительно нас, Он, конечно, и другими разными способами заранее возвестил людям пришествие Владыки Христа, так что все иудеи с давних пор ждали Его пришествия»¹³.

Это говорит о том, что пророки «разными способами заранее» донесли до современников и потомков откровение о пришествии в мир Христа. Однако этот вполне традиционный для церковной экзегезы тезис получает в комментариях Феодора совсем иное содержание. Дело в том, что, как считает толкователь, откровение о Мессии и его эпохе в Ветхом Завете было дано в ограниченном объёме, который напрямую зависит от догматического содержания ветхозаветной религии о Едином Боге Творце и Промыслителе мира.

«Иудеи, хотя и имели представление о Божественной природе, но не во всей полноте. Они знали только Бога, и ничего другого, кроме этого, не понимали, потому что не знали природу Отца, Который родил Сына невыразимым, таинственным образом, не знали о Лице Сына,

10 *Devresse R. Essai sur Théodore de Mopsueste. Vaticano, 1948. (Studi e Testi; 141). P. 78, 79; Zacharopoulos D. Theodore of Mopsuestia: Views on Prophetic Inspiration // The Greek Orthodox Theological Review. 1978. Vol. 23/1. P. 46; Guinot J.-N. La cristallisation d'un différend: Zorobabel dans l'exégèse de Théodore de Mopsueste et de Théodoret de Cyr // Augustinianum. 1984. Roma. Vol. XXIV. P. 531.*

11 Подробно об этом Феодор рассуждает в предисловии к толкованию на *Книгу пророка Ионы: Theodorus Mopsuestenus. Commentarius in Ionam // Biblica et patristica. 1. P. 169–176. Ср.: Devresse R. Essai sur Théodore de Mopsueste. P. 86–88.*

12 *Theodorus Mopsuestenus. Commentarius in Romanos // PG. 66. Col. 787.*

13 *Idem. Commentarius in Ionam // Biblica et patristica. 1. P. 169.*

Который вначале был у Бога. Также они не имели никакого представления о Духе. Тогда они ещё не знали человека, который был воспринят и соединён с божественной природой»¹⁴.

Следовательно, в ветхозаветный период человек не мог понять и принять учение о Святой Троице, о воплощении Бога Слова. Это ограничение касалось не только обычных представителей еврейского народа, но и богодухновенных пророков. Так, например, жёстко критикуя христологическое толкование видения Захарией Ангела на красном коне (см. Зах. 1, 8–11), Феодор пишет:

«Преисполнено великого и ложного безумия и не избежит порицания сказанное некоторыми, что пророк увидел Сына Божия, поскольку в этом месте очевидно, что никто из них прежде пришествия Христа не знал Отца и Сына, ни Бога Отца как Отца Бога Сына, ни Бога Сына как Сына Бога Отца, ни того, что именно представляют Отец и Тот, Кто произошёл от Него. Когда в Ветхом Завете встречается имя отца и сына, тогда Бог в общем называется Отцом сообразно с Его попечением о людях, удостоившихся Его заботы, а сыновьями — те, кто, по присвоению от Бога, имеют нечто большее, то есть Бога, Отцом. Итак, как я уже сказал выше, Отца Сына Божия и Бога, Сына Бога Отца, в то время никто из них вообще не знал. <...> Не знали о Божестве Единородного ни апостолы, ни те, кто жил до пришествия Владыки Христа, и никто из пророков не говорит об этом»¹⁵.

Подобным образом экзегет рассуждает в комментарии на пророчество Иоиля о Духе:

«Излию от Духа Моего...» (Иоил. 2, 28).

«В Ветхом Завете Дух Святой не был известен как отличная от Других Ипостась, как Дух Божий, [исходящий] от Бога. Дух Божий, и Дух Святой, и всякое другое наименование обозначают благодать, или заботу, или расположение Бога»¹⁶.

Следовательно, откровение о Троицином Боге впервые принёс на землю после Своего воплощения Сам Сын Божий. До Него эта тайна была сокрыта от всех людей. Соответственно, пророки и другие люди

14 См.: *Theodorus Mopsuestenus. Commentarius in Euangelium Iohannis apostoli* / ed. J.-M. Vosté. Louvain, 1940. (CSCO; 116. Scriptores syri; 63). P. 221:5–19.

15 *Idem. Commentarius in Zachariam 1, 8–11 // Biblica et patristica. 1.* P. 325–326.

16 *Idem. Commentarius in Ioelem 2, 28–32 // Biblica et patristica. 1.* P. 95:16–23.

не имели никакого представления о характере Его пришествия и связанных с ним деталей спасительного домостроительства.

Однако это не значит, что в Ветхом Завете ничего не было известно о Христе. Ведь евреи действительно ждали Его пришествия. Но ожидали они не воплотившегося Бога, а праведного человека, наделённого от Бога особой миссией. «Евреи ожидали, — пишет Феодор, — что Мессия явится им как человек, тогда как в божественность Единородного Сына, который есть Бог Слово, никто из них не уверовал»¹⁷.

По этой причине и апостолы, которые проводили со Христом достаточно много времени, видели Его чудеса, слушали Его проповеди, «признали Его Христом, но не знали, что Он — Сын Божий»¹⁸. Таким образом, до пришествия Христа людям было отчасти открыто только Его человеческое лицо и часть Его миссии. Он должен был стать духовным руководителем и царём для всех народов, обратить язычников к истинному богочитанию. Ещё пророкам было известно, что многие евреи не поверят в Него и будут отвергнуты Богом¹⁹. При этом осознание последнего обстоятельства вызывало у них, как позднее у апостола Павла (см. Рим. 9, 1–5), тяжёлые переживания об участи их потомков²⁰. Другие детали спасительного домостроительства во Христе были сокрыты от пророков под видом непонятных, странных и неопределённых «образов и намёков»²¹. Все эти обстоятельства впоследствии определяют взгляд Феодора на способы передачи мессианского откровения в Ветхом Завете и метод его интерпретации. Во многом по этой причине в интерпретации епископа Мопсуестийского критически сокращён объём прямого мессианского откровения.

Выводы

Мистический опыт в комментариях Феодора Мопсуестийского традиционно является аутентичной средой божественного откровения. Божественным руководством определяются предмет и способ выражения, с которыми мы потом встречаемся в пророческом тексте. Божественное руководство делает человека способным принять откровение

17 Les Homélie Catéchétiques 1, 14 // Studi e Testi. 145. P. 22–23.

18 *Theodorus Mopsuestenus*. Commentarius in Zachariam 1, 8–11 // Biblica et patristica. 1. P. 325:17–21.

19 *Idem*. Commentarius in Ionam // Biblica et patristica. 1. P. 174–175.

20 *Ibid.* P. 175–176.

21 *Idem*. Les Homélie Catéchétiques // Studi e Testi. 145. P. 22–23.

и адекватно выразить на человеческом языке. По этой причине пророки точно передают слушателям не своё, но Божественное слово.

Всё многообразие тем пророческой речи в Псалтири раскрыл пророк Давид. После него пророки в исторических обстоятельствах своего времени напоминали единоплеменникам то, что уже было предсказано за многие годы до того. Одновременно пророки соединяли с этими темами откровение о грядущем Христе. Однако данное откровение не было им доступно и ясно во всей полноте. Ветхозаветный человек получил только учение о Едином Боге Творце и Промыслителе мира, а учение о различии Лиц Святой Троицы, о Божественном воплощении и некоторых других аспектах миссии Христа было совершенно сокрыто от них. Им был отчасти открыт лишь человеческий лик Христа как Праведника, Который обратит к истинному богочитанию и благочестию все народы, станет их главой, а отказавшихся от Него иудеев отвергнет. Таким образом, содержание мессианского откровения ограничиваются историческими рамками Ветхого Завета. Сознание пророка не может преодолеть догматические пределы, определённые ветхозаветной религией. Такой взгляд, очевидно, оказал влияние на объём и содержание мессианского толкования в трудах Феодора Мопсуестийского.

Источники

- Diodorus Tarsensis*. Commentarii in Psalmos I–L / ed. J.-M. Oliver. Turnhout; Leuven: Brepols; Leuven University Press, 1980. (CCSG; vol. 6).
- Theodorus Mopsuestenus*. Commintarius in Romanos // PG. T. 66. Col. 787–876.
- Theodorus Mopsuestenus*. Theodori Mopsuesteni Commentarius in XII Prophetas / hrsg. H. N. Sprenger. Weisbaden: Otto Harrassowitz, 1977. (Biblica et patristica; Bd. 1).
- Theodorus Mopsuestenus*. Le Commentaire de Théodore de Mopsueste sur les Psaumes (I–LXXX) / ed. R. Devreesse. Città del Vaticano: Biblioteca Apostolica Vaticana, 1939. (Studi e Testi; t. 93).
- Theodorus Mopsuestenus*. Commentarius in Euangelium Iohannis apostoli / ed. J.-M. Vosté. Louvain: Secrétariat du CSCO, 1940. (CSCO; vol. 116. Scriptorum syri; t. 63).
- Theodorus Mopsuestenus*. Les Homélie Catchétiques / éd. R. Tonneau, R. Devreesse. Vatican: Biblioteca Apostolica Vaticana, 1949. (Studi e Testi; t. 145).

Λитература

- Guinot J.-N.* La cristallisation d'un différend: Zorobabel dans l'exégèse de Théodore de Mopsueste et de Théodoret de Cyr // *Augustinianum*. 1984. Vol. XXIV. P. 527–547.
- Devresse R.* Essai sur Théodore de Mopsueste. Vaticano: Biblioteca Apostolica Vaticana, 1948. (Studi e Testi; t. 141).
- Hill R. C.* Theodore of Mopsuestia, Interpreter of the Prophets // *Sacris Erudiri*. 2001. №. 40. P. 107–129.
- Zacharopoulos D.* Theodore of Mopsuestia: Views on Prophetic Inspiration // *The Greek Orthodox Theological Review*. 1978. Vol. 23. 1. P. 42–52.
- Ζαχαρόπουλος Δ.* Θεόδωρος ὁ Μοψουεστίας ὡς ἐρμενευτὴς τῶν Γραφῶν. Ἀθήναι: Ἄρτος τῆς Ζωῆς, 1999.